

К таким людям, как они, Чжань Цзюцзян не испытывал усталости, лишь разочарование. Он и не надеялся, что кто-то будет служить ему верой и правдой.

В то время почти в каждой семье были дети, и Лян Цзивэнь попросил Чжань Цзюцзяна раздать им еду. Услышав, что будет угощение, дети радостно бежали из домов с мисками. Чжань Цзюцзян подогрел суп на медленном огне, подлил немного воды и начал раздавать. Ложка у него была маленькая, варочная, зачерпывал примерно на треть миски. Детей было много, больше одного ковши он давать не собирался, но видя знакомые лица, незаметно черпал глубже, чтобы добавить лишние кусочки мяса.

Когда суп закончился, подошли еще дети, услышавшие о раздаче. Чжань Цзюцзян сидел в кресле и развёл руками:

— Всё, больше нет.

Гоу Да вытянул шею, заглянул в кастрюлю — действительно пусто. Но он не хотел мириться с тем, что у других есть, а у него нет, и громко закричал:

— У тебя дома точно ещё есть! Я хочу есть!

Его младшие братья и сёстры тоже подхватили:

— Мы хотим есть! Хотим есть!

Чжань Цзюцзян нахмурился, лицо его стало суровым:

— Хотите есть? Идите домой и пусть ваша мама вам приготовит!

— Нет! Ты всем раздал, а нам почему не даешь? — возмутился Гоу Да.

— Я вам не отец и не мать, откуда мне знать, почему у вас ничего нет?

Чжань Цзюцзян больше всего раздражали пятеро детей Чэнь Сюли. Когда он только переехал, у них уже был конфликт из-за одеяла. Хотя одеяло он вернул, но, ощупав его, понял, что ваты поубавилось. Несомненно, это было дело рук этой семьи.

Чэнь Сюли, бессовестная женщина, даже пыталась его шантажировать, утверждая, что одеяло выглядит старым, но на самом деле новое, и, вероятно, он его украл. Она требовала отдать ей половину, если не хочет, чтобы об этом узнали. Чжань Цзюцзян тогда резко её отверг, от злости чуть не подрался. С тех пор между ними случалось немало конфликтов, и Чжань Цзюцзян был тошно от всей этой семьи.

Каждый раз, раздавая что-то, Чжань Цзюцзян старался делать это в отсутствие детей Чэнь Сюли. Как сегодня: он рассчитал порции так, чтобы к моменту появления этих пяти маленьких негодников как раз всё закончилось.

Хотя дети, стоявшие за Гоу Да, тоже не получили еды, они знали, на чьей стороне выгоднее быть. К тому же Чжань Цзюцзян обычно был добродушным и терпеливым с детьми, а пятеро детей Гоу Да считались настоящими забияками. Поэтому многие дети начали вставать на защиту Чжань Цзюцзяна.

— Ты кто такой? Почему тебе должны всё отдавать? Я видел, как ты позавчера отобрал сосиску у Маньтоу, почему ты ему не поделился?

В то время детям трудно было достать мясо, особенно учитывая, что мать Гоу Да, Чэнь Сюли, была ленивой и жила за счёт мужа. Дедушка с бабушкой жили отдельно и не помогали, поэтому семья жила впроголодь. Позавчера Гоу Да хвастался перед друзьями половинкой сосиски, медленно и с наслаждением поедая её у них на глазах. Не выдержав, он выхватил её у Маньтоу.

Маньтоу бежал домой плача и рассказал бабушке, а та с гневом пришла к Чэнь Сюли требовать объяснений.

Но Чэнь Сюли была мастером отговорок, а отец Гоу Да, Ван Чэнцюань, отлично умел делать вид, что ничего не замечает. Бабушка Маньтоу ругалась в их доме полдня, но только сама надорвалась.

Чжань Цзюцзян уже несколько раз сталкивался с этими детьми, и они явно переняли манеры своей матери. Он не хотел тратить на них время и, приподняв бровь, спросил:

— Ну и что ты хочешь? Малыш, ты знаешь, откуда у меня эта рана? Я смог постоять за себя против огромной машины, а ты думаешь, я не смогу тебя отлупить?

— Если ты посмеешь меня ударить, моя мама сразу пойдёт жаловаться на тебя! На ваш завод!
— закричал Гоу Эр.

Чжань Цзюцзян лишь холодно усмехнулся.

Дети сзади уже начали сочинять дразнилку:

— Гоу Да, Гоу Эр — бессовестные, еду отбирают, одежду крадут, а потом к родителям бегут жаловаться! Гоу Эр, Гоу Эр — совсем стыда нет...

Особенно громко кричали те, кто получил мясо от Чжань Цзюцзяна. Пятеро детей покраснели от злости и, словно маленькие снаряды, бросились на обидчиков. Остальные дети разбежались, а они продолжили преследование. В это время на заводах прозвенели звонки, извещающие об окончании смены. Чжань Цзюцзян, немного понаблюдав, ушёл в дом.

Лян Цзивэнь, который варил кашу, позволил ему пошуметь. Когда Чжань Цзюцзян успокоился, он потрепал его по голове:

— Ну что ты как маленький, все с детьми везёшься.

— Если бы они просто немного шалили, я бы не обращал внимания, но они слишком похожи на свою экстремальную мать, каждый раз меня просто бесят.

Чжань Цзюцзян начал загибать пальцы:

— В прошлый раз они сказали, что хотят в туалет, набежали, и устроили там беспорядок, утащили зубную пасту и мыло. Я поссорился с их матерью, но когда вернул вещи, от пасты осталась только туба, а мыло — с ноготь. Хотя я и планировал использовать это для уборки туалета, но они совсем перегнули палку. И ещё...

Чжань Цзюцзян перечислял все их проделки, и чем больше говорил, тем больше злился. У него хорошая память, он перечислял всё по порядку, распаляясь всё сильнее.

— Ладно, ладно, не злись, здоровье дороже. В следующий раз, если они снова начнут, я сам с

ними разберусь, а ты просто смотри, хорошо?

Чжань Цзюцзян всё ещё дулся, но, услышав это, немного обрадовался, хотя на словах продолжал:

— Сколько ты здесь пробудешь? Разок поможешь — и ладно. Да и сейчас ты мне не помог.

Лян Цзивэнь зачерпнул ложкой супу и с улыбкой сказал:

— Я просто видел, что тебе весело.

Чжань Цзюцзян действительно получил удовольствие, да и суп был вкусным. Мысль о том, что у него есть такой вкусный суп, а у них нет, радовала его.

После обеда Лян Цзивэнь уложил Чжань Цзюцзяна спать. Когда тот уснул, Лян Цзивэнь тихо встал, оделся и вышел.

Сначала он пошёл на почту, чтобы позвонить в офис директора Ду и взять отпуск на полмесяца, а затем отправил письмо домой, объяснив ситуацию: сказал, что уехал в город Цзиньшань на учёбу и сменил контактные данные.

После этого он отправился на чёрный рынок за древесиной. На самом деле в его пространственном хранилище было много дерева, но сейчас его доставать было нельзя. Там были ценные породы, и если бы нашёлся знаток, это могло привлечь лишнее внимание. Обычного дерева у него было мало, поэтому пришлось идти на чёрный рынок.

Однако днём на чёрном рынке было мало людей, и Лян Цзивэнь обошёл полулисту, прежде чем нашёл подходящее. За три юаня он купил кучу старых столов и стульев. Он нашёл место, где начал разбирать их, ненужную мебель сразу отправил в хранилище, а оставил только маленькое кресло-качалку с поломанной спинкой, несколько приличных досок и кучу трухлявого дерева.

Сегодня он не специально за сокровищами пришёл, поэтому ничего ценного не нашёл. Лучшей находкой было кресло наставника из красного дерева, но сиденье в нём было полностью пустое, и сесть в него было нельзя. Лян Цзивэнь не расстроился: в его хранилище было несколько предметов мебели из красного дерева с недостающими деталями. Позже он мог разобрать их, соединить части, вырезать узоры и снова использовать.

Когда Лян Цзивэнь тащил кучу дерева домой, он встретил сестру Цзян. На заводе в последнее время происходило много событий, и собрания затянулись до самого вечера.

— Цзивэнь, что это ты снова столько вещей тащишь? — Сестра Цзян закатала рукава, собираясь помочь.

— Я подумал, что Цзюцзяну трудно передвигаться, и решил сделать ему небольшую тележку, чтобы можно было вывозить его на прогулки, на солнышко.

Лян Цзивэнь не отказался от помощи сестры Цзян и позволил ей взять небольшой мешок с досками.

— На заводе одобрили компенсацию за лечение, пятьдесят семь юаней восемьдесят фэней. Всё выплатили. Как приду домой, отдам тебе. Цзюцзян сильно пострадал, так что купи ему чего-нибудь питательного.

Разговаривая, они быстро дошли до дома. Лян Цзивэнь сложил два больших и один маленький мешок с деревом в шкаф, обернулся и увидел, как Чжань Цзюцзян, прихрамывая, выпрыгивает из туалета.

<http://bllate.org/book/16557/1511285>